
С. В. ПРОЖОГИНА

КОРНИ И КРОНА
(К проблеме самоопределения
с точки зрения литературоведа. Эссе)

В своем эссе доктор филологических наук, специалист по франкоязычной литературе стран Магриба С. В. Прожогина рассматривает проблему самоопределения на примере магрибинских писателей и поэтов, долгое время живущих или даже родившихся во Франции. В наши дни многие свойственные человеку и обществу в целом поиски и цели смысла существования часто сопряжены с такими понятиями, как «Отчизна», «государство», «граница», «традиционные ценности», и с прямо противоположными им – «космополитизм», «безграничье», «свобода воли», «свобода выбора», «пацифизм» и мн. др. Автору, имевшему возможность многое увидеть и на Востоке, и на Западе, и на Севере, и на Юге, довелось не только ознакомиться со многими проявлениями отмеченного выше, но и изучать некоторые «особые приметы» личности на рубеже эпох.

Ключевые слова: самоопределение, самоидентификация, смысл жизни, литература стран Магриба, Т. Бекри, Отчизна, колониализм, иммиграция, Франция, Магриб.

Проблема самоопределения вечна. В ней – не только вопрос «Кто я?» (или даже «Зачем я?»), но и «С кем я?». Можно писать, конечно, о «самоидентификации», о «поисках идентичности» и прочих психологических, философских и социальных проблемах, с которыми сталкивается нормальный человек, не страдающий ни манией величия, ни комплексом неполноценности. Можно даже размышлять об обретении им «новой идентичности», о «сломанных идентичностях», об «идентичностях», разрушающих человека¹, и прочих поисках человеком своей сути, своей тождественности с предназначенной ему жизнью на Земле...

¹ См., например, многочисленные свидетельства, собранные в работе (Прожогина 2012), см. также: Maalouf 2008.

Но сегодня многие свойственные человеку и обществу в целом поиски и цели смысла существования часто сопряжены и с такими понятиями, как «Отчизна», «государство», «граница», «традиционные ценности», и с прямо противоположными им – «космополитизм», «безграничье», «свобода воли», «свобода выбора», «пацифизм» и мн. др.

Мне, имевшей возможность многое увидеть и на Востоке, и на Западе, и на Севере, и на Юге, довелось не только ознакомиться со многими проявлениями отмеченного выше, но и изучать некоторые «особые приметы» личности на *рубеже эпох*, личности «транзиторной», личности «метисной», «самосохраняющейся», удерживающей свою самобытность, свое «самостояние» в эпоху все амальгамирующей глобализации или, наоборот, все радикализирующей определенного рода конфессиональной агрессии политического исламизма, к примеру, и на Востоке, и на Западе².

Но, так или иначе, в границах своего предмета изучения – литературы франкоязычных магрибинцев – я сегодня не могу не отметить явления, на мой взгляд, знакового для современной эпохи.

...Когда-то, еще в середине 1990-х гг., находясь в Париже в научной командировке, я встретила с одним тунисцем, жившим в политэмиграции во Франции с 70-х гг., поэтом, ставшим профессором Университета Нантера (филиал Сорбонны), – Тахаром Бекри, очень известным и у себя на родине, и в Магрибе в целом, и в Европе, автором многих сборников стихотворений, получивших признание литературной общественности и читательской аудитории.

Со временем с его поэзией познакомился и русский читатель с помощью переводов с арабского, сделанных мной и О. А. Власовой (см.: Бекри 2002), а мои заметки о его текущей поэзии регулярно, по мере появления новых работ, публиковались в отечественном журнале «Азия и Африка сегодня», откликающемся на все более или менее характерные для современности проявления общественной мысли этого мира.

Но тогда, в Париже, в Люксембургском саду, на «свидании» с поэтом Т. Бекри, у которого я решила взять небольшое интервью, разговор получился долгим, и я даже заручилась тем, что он подарит мне все свои сочинения (о которых я не знала, но впоследствии опубликовала антологию). А он, ознакомившись с целями моих изданий творчества франкоязычных магрибинцев (в том чис-

² См. мои работы (Прожогина 1984; 2013 и др.).

ле и тех, кто давно уже по разным причинам живет на Западе), неожиданно спросил: «Что важнее, как ты думаешь? Корни или крона?» И я, особо не думая, уверенно ответила: «Ствол. Он сохранит и то, и другое, если будет держаться прямо. И корни не засохнут. И листва не увянет». Тахар Бекри тогда улыбнулся моей прямоте...

Он был еще относительно молод, его волновала «крона» – его цветение, его признание, даже его успех... Хотя о **корнях** своих он никогда не забывал – даже в постоянных тогда его странствиях по миру. И помнит по сей день (см.: Bekri 1986; 2018; 2019 и др.).

...Прошло немало лет. Контакта мы не прерывали, и он часто присылал мне свои стихи – разные. И исполненные печали, и жизнеутверждающие, несмотря на все тяготы его существования на чужбине, и философские, и посвященные творчеству других писателей и поэтов. (Его интересовали и алжирец М. Хаддад³ – о нем Т. Бекри когда-то написал свою докторскую диссертацию, и арабийская доисламская поэзия, и турецкий лирик Ю. Эмрэ, и французский поэт Сен-Жон Перс, и «наше все» – А. С. Пушкин, оду «Вольность» которого он недавно перевел.)

Но вот в сентябре 2022 г. я вдруг получаю новое послание – публикацию в тунисской газете «Kapitalis» 18 сентября 2022 г. его стихотворения «Arbre Art poétique». (Если дословно, то «Дерево Поэтическое искусство». Поскольку знаки препинания – запятые или тире – отсутствуют, то можно в переводе на русский употребить и параллелизм равнозначности каждого из компонентов французского названия и сравнения: «Дерево как поэтическое искусство»).

В нем – в этом свободном стихе – много и о значимости кроны, и о важности корней, и о *стволе* как переносчике «соков земли к пышной листве». Но есть и строки, особенно меня порадовавшие, когда я вспомнила о нашем давнишнем разговоре в Люксембургском саду.

Peu importe
Si tant de branches vieilles
Tes racines sont mes lignes
Je rénie qu'elles restent sous la terre
Et voudrais mourir debout.
Arbre, Sommes nous frères?

³ О нем подробнее см. наши работы (Прохогина 1992; 2020а).

(Неважно // Что стареют ветви //
 В моих строках / Корней твоих изгибы //
 И не хочу я / Чтоб они ушли лишь в землю //
 Держаться буду / И умру я стоя //
 Ну, разве мы не братья, Дерево? //)

Предшествовали этому стиху и тяготы пандемии, и тяжелая болезнь, обрушившаяся внезапно (хотя поэт в содружестве с женой-художницей, оформляющей его книги, недавно выпустил прекрасный сборник стихов «Объятый светом» [«Au delà de lieux»] и даже получил престижную французскую литературную премию «Flogaux», существующую еще со времен трубадуров и труверов – с XIV в.).

Однако, судя по голосу в телефонной трубке, поэт как бы утрачивал прежний стержень жизни своей, сопряженной с немалыми испытаниями личной судьбы. И вот – строки, в которых **Жизнь побеждает**. Стойкость, в которой и осознание невечности пышной кроны, и знание, что главное – **корни**, и уверенность, что ствол – трonc – есть то, что можно сломать, срубить, спилить или сжечь, но *нельзя* уничтожить как символ связи земли и неба, как стержень самой человеческой жизни, – как бы пафосно это ни звучало...

Ведь не случайно в самые тяжелые времена, когда людей одолевают и тревога, и даже отчаяние, когда человек порой не осознает, что делает, мудрые люди призывают его к стойкости духа, – иначе не выстоять, не одолеть и страх, и сомнения, и стремление избавиться от тягот жизни, бежав от всего без оглядки... Или очернив и осквернив по пути все вокруг. Но тогда ведь и твоих следов на земле может не остаться...

Вот я и ответила поэту на этот раз все тем же пожеланием, да и в тон ему: «Restons debout, comme le tronc de l'Arbre!»⁴

Самоопределение – процесс, необходимый в жизни человека. Хотя порой он и проходит в лабиринтах, кажущихся безвыходными, а порой и заводящими в тупики обстоятельств. Но об этом – отдельно.

Т. Бекри – тунисец; упомянутый выше М. Хаддад (творчеству которого посвящена докторская диссертация Бекри) – алжирец. И, в отличие от Бекри, он когда-то, в далекие уже 1960-е гг., вер-

⁴ «Будем стойки, как ствол твоего Дерева!», имея в виду его «Arbre Art poétique».

нулся из изгнания во Францию на родину, в Алжир. Произошло это накануне провозглашения его родной страной независимости, за которую его народ боролся долго и упорно (1954–1962 гг.). Но творить, создавать, как раньше, свою Поэзию больше не захотел. Надо было, полагал он, писать на языке родного народа, то есть по-арабски. Но творить на этом языке так же, как на французском (выученном еще в школе, а потом и ставшем основным в жизни на чужбине), поэт не мог. И замолчал. Но когда окончилось творчество, вскоре оборвалась и жизнь. Это была огромная потеря для *национальной* литературы. А может быть, и мировой...⁵

Его современник и соотечественник Жан Сенак, несмотря на сходный с М. Хаддадом взгляд на *необходимость алжирским писателям переходить на арабский язык*, писать не бросил, продолжал упорно работать, хотя абсолютно не сбылись после получения страной независимости его мечты о «пылающем в небе Солнце Свободы», озаряющем своим сиянием и теплом все вокруг, ставшем «Отчизной» для «Граждан Красоты» (Senac 1967)... Его жестоко убили в начале 1970-х гг., когда в родном ему Алжире началась своя «перестройка», когда вследствие официальной политики *тотальной арабизации культуры* уже преследовали всех «неарабов», даже тех представителей европейской части алжирского общества, что стояли у истоков формирования национального самосознания алжирцев, поднявшихся за свое освобождение от колонизации. (Я не буду продолжать печальную историю о тех, кого заставили замолчать в Алжире и в 1980-е, и в 1990-е, и в 2000-е гг. Факты эти широко известны [см.: Djebbar 1996].)

Коренной тунисец, араб Т. Бекри, подобно многим своим соотечественникам, спасаясь от политических репрессий в родной стране, в 1970-е гг. отсидев в тунисской тюрьме, уехал в эмиграцию во Францию и продолжал писать на французском языке, часто переводя свою поэзию и на родной арабский. Но на родину поэт не возвращается, хотя и свято хранит в своей душе образ «родного Оазиса» (город Габес, где родился поэт, стоит на краю пустыни). Там его *корни*. И они часто болят (об этих *реальных* так называемых фантомных болях известно врачам-хирургам...). Когда поэт может себе это позволить (слишком многое держит уже на чуж-

⁵ С творчеством этого великого поэта можно ознакомиться по многочисленным переводам на русский язык в сборниках (Поэты... 1976; Утро... 1968) и мн. др.

бине), он ездит на родину. Затем возвращается туда, где живет и работает, но всегда вдохновленный образом Отчизны, той, где остался родной и вечно искомым Оазис... Как **идеал**.

Подобно ему (по месту жительства), многие французские писатели-магрибинцы, давно уже граждане Франции, ощущают свою неразрывную связь с той почвой, которая осела в их корнях, и пишут в основном об этом с *заботой* о родной стране, пристально вглядываясь в ее новую жизнь, даже предупреждая ее о многом, показывая, обнажая те противоречия и контрасты жизни, которые «с дистанции взгляда» кажутся особенно «кричащими»⁶... Марокканцы Дрис Шрайби и Ахмед Серхан, алжирец Мохаммед Диб, известный своей не только писательской, но и научной деятельностью, Ассия Джебар, Рабах Беламри, Малика Моккедем, известные тунисцы Альбер Мемми, Абдельваххаб Меддеб и многие другие магрибинцы на Западе позволяли и позволяют себе эту *дистанцию*, никогда, однако, не усомнившись в том, что, даже работая на попущие французской культуры, даже при всем порой пышном цветении их кроны, их славы, они остаются подлинными магрибинцами, детьми своей Отчизны.

Классик алжирской литературы М. Диб, прожив много лет во Франции в изгнании (с 1956 г., уехав еще при колонизаторах) и умерев там в 2003 г., даже не думал никогда *менять* свое гражданство, оставаясь *алжирцем*, посвящая все свое творчество «Большому дому» родной страны⁷. А когда незадолго до кончины он написал свою философскую книгу «Лаэцца», то почти провидчески предупредил человечество о реальной угрозе *неоколониалистской экспансии США*, об их «необузданных» имперских намерениях превратить все страны в свои «территории», а их народы в «своих рабов»⁸. А что такое колониальные угнетение и зависимость, М. Диб как *экс-колонизованный* знал на личном опыте... Его алжирские корни хранили боль ран, нанесенных колонизацией его

⁶ Марокканец Т. Бенджеллун постоянно пишет об этом (подробнее см.: Прожогина 2022б).

⁷ Подробнее о нем см. (Прожогина 2020б). Анализ ранних произведений М. Диба дан также в книге (Джугашвили 1974). Обширную библиографию произведений М. Диба и о нем см. в наших работах (Прожогина 2021; 2022а).

⁸ Dib 2006. В книге, удостоенной Большой премии Французской академии, содержатся заметки, размышления, эссе и воспоминания писателя, продемонстрировавшие его талант и искусствоведа, и музыковеда, и социолога, и политолога, и социопсихолога.

родной земле, которая долго еще не могла избавиться от ее последствий и даже пережила страшную эпоху социоконфессионального разлада и гражданской войны уже на исходе XX в.

Именно поэтому в начале XXI в. М. Диб, *коренной* алжирец, ненавидевший *колониализм как таковой*, мог позволить себе уподобление его *нацизму*, когда «одни люди могут полагать себя людьми бóльшими, чем другие» (Dib 2006: 98) и позволяют себе вершить зло по отношению к ним, даже зло «уничтожения других», если они «окажутся слабее». Американский фашизм, как пишет М. Диб, расцветший после 11 сентября 2001 г., это «новорожденный немецкий, подпитанный обществом безмерного потребления и досуга, политикой “хлеба и зрелищ” и безудержной информатизации... Если другая часть человечества вовремя не обеспокоится, то крестовый поход под флагом янки и его демократии начнется быстрее, и все станут свидетелями этого нового нацистского наступления на человечество» (Dib 2006: 99).

...Сегодня, мне думается, хорошо, что эта книга писателя, сделавшего *свой выбор*, – стойко держаться и, несмотря ни на что, говорить и писать Правду, – вышла после его смерти в 2003 г. Его бы не сломили, конечно, но к жизни его и новым публикациям присматривались бы по-иному. Ведь «великая держава» – Франция – сдавала одну за другой свои позиции новым «крестоносцам».

На Западе живет и работает писатель, ученый, политик, этнический алжирец Азуз Бегаг. Здесь, во Франции, он **родился** в 1957 г. (М. Диба колонизаторы выслали из Алжира). И «по праву почвы», существующему в Республике, он – «француз». Это – *nationalité*, то есть гражданство. Не национальность. И Азуз Бегаг уверенно называет себя французом, полагая, что имеет на это законное право. Хотя есть нюанс: он родом из *предместья* большого города Лиона, где проживает скопище (по-другому не назвать) североафриканских эмигрантов, иммигрантов («укоренившихся», оставшихся навсегда на чужбине) и их потомков, рожденных во Франции. Таких предместий, особых кварталов, множество во всех городах Франции. Париж – не исключение. Это – часть населения Франции, ее народа, разноконфессионального, «мультикультурного». И можно было бы сказать, что во Франции давно уже существует *мультикультурализм*, если бы не одно обстоятельство. У представителей **разных** конфессий и культур есть главная обязанность: жить по законам Французской республики. А она не признает ни за ино-

верцами, ни за культурными и этническими меньшинствами права на *самоопределение*. И случаются конфликты *различения* (*différence*, в отличие от *difference*), что во Франции часто приводит к *унижению другого*, этнического «нефранцуза», к демонстрации его «второсортности», некоей «неполноценности» по отношению к возможности решать основные проблемы французского государства (и даже участвовать в их решении).

Азуз Бегаг, выходец из этой «окраинной» среды французского общества, данный барьер **преодоле**л, поднявшись с помощью «социального лифта» (см.: Bernard 2008), став не только писателем, но также общественным и даже политическим деятелем, борющимся «за справедливость» и наделение *всех себе подобных «выходцев из иммигрантских слоев»* и «окраин» **равными правами** с «остальными французами». Но этот (хоть и редкий) успех магрибинца – факт его личной биографии. Творчество же этого этнического магрибинца посвящено именно показу картин существования значительной части населения Франции в условиях контрастного общества, где «чистые» европейцы и «нечистые» граждане страны живут в условиях, противоречащих понятиям и «республика», и «демократия», и «свобода», и «равенство» (о «братстве» все давно уже забыли, да и не французский это концепт, а вполне себе английско-масонский) – однако об отсутствующей **справедливости** такие, как Азуз Бегаг, напоминают и по сей день⁹.

«Крона» А. Бегага – довольно пышная, если учесть, что он автор более трех десятков и литературных, и научных произведений, не оставшихся без внимания исследователей его творчества, – не затмила его североафриканские (в особенности алжирские) корни, не согнула древо его жизни под тяжестью плодов его славы. А. Бегаг не прекратил борьбы за Справедливость, не растерялся в океане проблем окружающего его миропорядка.

Однако именно в этой же среде французского социума, члены которой, хотя и считаются гражданами республики, но продолжают и чувствовать, и осознавать свою «окраинность», многие не способны, подобно А. Бегагу, преодолеть барьер отчуждения, либо оказываясь порой в замешательстве, либо изливая свою горечь в протесты, возмущения, даже стихийные бунты. И среди бунтующих – не обязательно отпетые бедняки, бродяги, нищие и наркоманы, как

⁹ О творчестве писателя 1980-х – начала 2000-х гг. см. подробнее в наших работах (Прожогина 2003; 2009; Крылова, Прожогина 2013).

официально принято считать. Есть и весьма успешные, «продвину-тые» – актеры, спортсмены, торговцы и прочие из так называемого среднего класса.

Рашид Джайдани – один из них. Тоже потомок иммигрантов, наполовину алжирец, наполовину суданец, известный боксер и комедиант, в молодом еще возрасте опубликовал свою книгу «Вим-Коеиг» в Париже в 1999 г., приходившемся на расцвет творчества А. Бегага, писавшего о поколении тех, кого называли (всех в совокупности) *бёрами*. На верлане – языке наоборот – это означало «арабы» (выросшие во Франции).

Р. Джайдани написал свою книгу не только на верлане, зашифровывая ругательства, но на той смеси из арго окраин, жаргона и молодежного сленга, на которой «изверг» (иначе не скажешь) свой протест против общества, которое обрекает огромное количество людей на «неполноценность», «недостаточность», на чувство отчужденности или «изгойское» самоопределение, вызывая растерянность, недоверие ко всем, включая самого себя, а порой – и на совершение преступлений.

Поэтому название книги Р. Джайдани можно (как и сделал сам автор, словно бы неправильно написав слово «бункер») перевести как «Взрыв в сердце», где сердце (соеиг) = коеиг, а взрыв – боиг (то есть «выхлоп»).

И несмотря на то что тогда он был лишь начинающим, писатель сумел весьма успешно типизировать своего героя, поскольку образ его, созданный автором, оказался весьма «живучим» и до сих пор остается свидетельством определенного рода общественного устройства.

Попробую перевести на понятный русский язык один из монологов героя книги Р. Джайдани «Возраст мой – 21 зима, джинсы 501 образца, свитер – синий, на правом запястье – серебряный браслетик – пластинка с выгравированным именем Хамель; оно – моего покойного брата; живу я на 12-м этаже в каменной башне на краю города; я – безработный. Жизнь я вообще-то люблю, а облавы – нет, как и приказы, что ходить или входить куда-то воспрещается¹⁰, или чтобы я поднял руки вверх, а по мне будут шарить, потому что считают, что я обманщик и вор. Хотя я и могу огрызаться и куснуть, как акула, если меня задевают или обижают моего дружка...»

¹⁰ Об этих запретах см. подробнее в книгах: Begag 1986; 1989.

Дальше просто придется пересказать... Когда-то в детстве, еще будучи учеником начальных классов, герой совершил кражу – не удержался от зависти, сел на чужой велосипед (казавшийся ему роскошью), оставленный у калитки дома какого-то «богатея», и просто поехал прокатиться по тротуару. Полицейская машина его догнала, мальчика привезли в участок, хотели вызвать родителей, но он горько плакал и просил, чтобы отпустили, обещав, что никогда не будет больше воровать... И не воровал никогда. Учился. Пытался найти работу. Но репутация жулика так и осталась на всю юную жизнь, пока его не забрали в армию. Отслужил, хотя и там понял, что даже военная униформа не спасает его от слишком частой проверки документов, когда он изредка выходил по отпуску в город. То ли цвет кожи темнее, чем у других, то ли «тень прутьев решетки окна» в том злосчастном полицейском участке в школьные годы застыла на его лице, «как мечта о равенстве и братстве» (с. 14, 64).

В книге Р. Джайдани много таких историй. Все они – лишь свидетельства извечного здесь, во Франции, недоброжелательства к нищете, чувства отверженности, никогда не сбывающихся надежд на «равенство», на «братство». «Даже солнечный свет мне кажется неискренним, и не отпускает меня ночь никогда... Я просто топчу эту землю». Случайные любовные истории не утешали. Надоела *неопределенность*. «Если не верите, загляните в наши кварталы, где мы существуем. А ведь там живут и молодые, как я. *Будущее Франции*. Но оно – вне их большой игры. Что им за дело до нас? Им бы лишь забросить мяч в чью-то корзину...» И это – финал книги.

«Или почти», – как пишет автор (с. 158). Потому что в книге есть еще строки: «Вдруг у меня под носом вспыхнула спичка, когда я задумался. И я услышал, как встреченный внезапно француз орет: “Чертовы бродяги! Вас всех здесь надо бы поубивать! Придурки цветные!”» (с. 159).

...Критика тогда была «единогласна», о книге Р. Джайдани писали, что она запечатлела образ французской молодежи, у которой «*подрезаны крылья, разбиты мечты и надежды*». Социологические опросы во Франции и в наши дни свидетельствуют все о том же. И только подтверждают мою мысль, что дерево – любое – сумеет выстоять только тогда, когда не сломлено, не спилено, не срублено или подрезано. А так – только болят корни, да опала листва надежд на расцвет...

Есть научные исследования, в которых современная ситуация в западных странах (Франция – не исключение), где много афроазиатских иммигрантов и их потомков, рожденных уже в европейских обществах, рассматривается в плане взаимодействия неких комплексов (и беженцев, и поселенцев, и принимающего их общества), в частности комплекса экс-колонизаторов (их своеобразного ощущения своей вины за когда-то завоеванные и подчиненные их диктату страны и народы, теперь как бы имеющие возможность интегрироваться в западные общества), и комплекса колонизованных, которые будут вечно мстить тем, кто когда-то обрек их жизнь на вечную зависимость и нищету (см., например: Memmi 2011; 1999; 1956; Meddeb 2008). И они тоже только подтверждают нашу мысль о том, что проблема *корней* – глубоко психологическая, но и одновременно связанная с социальной и политической историей тех стран, для которых конфликт «**свой-чужой**» (во всей амплитуде трансформаций этой формулы противостояния, когда возможны разные соотношения «своего» и чужого») неизбежен и по сей день.

Но он также, неизбежно персонализируясь, перерастает в проблему осознания **долга, выбора, самоопределения** на дороге Жизни, а значит, и подчинения долгу чести, совести, попросту говоря. Примеры этого можно найти и на «той», и на «другой» стороне конфликта.

Я не буду рассматривать образцы из известной мне истории французской литературы, где запечатлены поиски *компромисса* со стороны колониальной или экс-колониальной, «открывшей двери», к примеру, для «интеграции» североафриканцев (здесь и А. Жид, и Г. де Мопассан, и С. Сэн-Лоран, и М. Турнье, и многие другие весьма известные писатели XIX–XX вв.). Коснусь одного примечательного явления, где, на мой взгляд, этот конфликт породил необходимость решительного *выбора* либо той, либо другой его стороны. А это означало, что ни крона плодов туманного Будущего, ни корни, заходящие вглубь прошлого родной земли, не удержат Человека, сделавшего свой выбор, от *мук совести* и осознания неизбежности воздаяния Справедливости.

Речь идет о давней – 1960 г. – публикации во Франции в издательстве «De minuit» («Полночь») под псевдонимом Maurienne (можно сказать, смесь «Марианны» – символа Франции – и «Мавра», как называли французы всех североафриканцев) небольшой книги «Дезертир» («Le Déserteur», 125 с.). В предисловии к этой

книге издатели («Minuit» – это несколько объединенных издательских домов), как они подписались, кратко рассказали о полученной по почте рукописи неизвестного им человека, на страницах которой было почти «скабрезное» (то есть оскорбительное) для современных французов повествование о «кризисе сознания» личности, решившей *передать* интересы своей страны, где стоял вопрос о ее *самоопределении* («autodétermination») как великой державы, решившейся на войну с Алжиром до «победного конца». Однако, пишут издатели, не опубликовать эту книгу означало бы не сказать *правды*, проигнорировать те проблемы, которые встали перед их соотечественниками, в глубине души желающими понять и по-своему решить их. «Это было бы, без сомнения, оскорблением Франции, ее способности размышлять и делать Свой праведный выбор» (Maugienne 1960: 7).

Действительно, Четвертая республика не хотела отдавать алжирцам «свой заморский департамент» – так издавна называли колонизованный Алжир завоевавшие его в 1830 г. французы. Там уже было много и европейских поселенцев-колонистов, считавших эту страну своей родиной. Но алжирцы восстали в 1954 г., требуя независимости. И началась долгая кровавая борьба: метрополия обрушила на «свою территорию» огромную армию, которая истребляла алжирцев, воюющих за свою землю. К 1960 г., когда героя книги «Дезертир», молодого француза, призвали в армию и отправили в казарму для подготовки, алжирская борьба находилась в апогее. Оставалось всего два года до подписания Ш. де Голлем Эвианских соглашений о признании независимости Алжира... Но этого герою книги не дано было знать. Хотя он, как и многие французы, знал о том, что мнения об этой войне во Франции разные, что многие его известные соотечественники и даже просто школьные друзья сочувствовали алжирскому народу, а некоторые и вообще встали на его сторону. Доходили и слухи о том, к каким зверствам прибегали французские солдаты и офицеры, воевавшие с партизанами в горах, как сжигали напалмом, так же как и во Вьетнаме, селения, как расправлялись с теми, кого взяли в плен¹¹... И герой книги постепенно созрел для мысли, что ему вовсе «не хочется принимать во всем этом участие». И решил дезертировать. Ему помогли бе-

¹¹ См., к примеру, переведенную на русский язык еще в середине 1960-х гг. и потом неоднократно переиздававшуюся книгу (Аллег 1958).

жать из казармы, укрыться в глухом местечке и найти там друзей, таких же, как он, решившихся встать на сторону восставших за свою независимость угнетенных. В их числе была и одна молодая испанка, пережившая своих родителей, боровшихся с франкистским фашизмом. Ее песню о «брате-алжирце» он записал в финале рассказа о своем «дезертирстве»:

Голоса, что доносятся в наши горы из Франции,
Голоса самых свободных и сильных духом французов,
Голоса, где звучит музыка истинной Франции, –
Нет, они не заглохли,
Разве могут заглохнуть они!

А еще испанка сказала французскому «дезертиру»: «До сих пор ты только искал свое место в жизни. Теперь ты его нашел. Начинай свою работу» (Maurienne 1960: 125).

Кроме того, что рукопись попала к издателям и они ее опубликовали (с немалым опасением за ликвидацию и самого издательского дома), и того, что через два года Франция решила пойти навстречу алжирцам, о судьбе автора и его героя больше ничего не известно. Разве что на титульном листе одной давно уже пожелтевшей книги, случайно попавшейся мне в руки сегодня в моей библиотеке, я нашла автограф госпожи Павель, ученого секретаря Центра научных исследований Франции (CNRS), подарившей мне это издание в 1995 г. в Париже во время моей там стажировки: «От имени Ферида, дружески».

...Я долго вспоминала обстоятельства получения этого удивившего меня сейчас, случайно обнаруженного среди массы еще не изученных мною книг о Магрибе подарка. И вспомнила, что среди сотрудников Центра был один алжирец, который знал, что я интересуюсь литературой об Алжирской войне и изучаю творчество алжирских писателей. Познакомились мы в библиотеке. И перед моим отъездом домой мадам Павель передала мне от него эту книгу. Еще одно подтверждение моим сегодняшним раздумьям о том, что главное в нашем Древе Жизни – не прогнувшийся под натиском Времени ствол. Тогда дышат и корни, и крона. «Пока сердца для **чести**¹² живы...»

¹² Любопытно отметить, что в понятие чести коренные североафриканцы вкладывают такие смыслы, как человек хороший, стыдливый, совестливый, храбрый, умный, зрелый, серьезный (для мужчин) и «хранение себя» (для женщин) (см.: Littérature... 1993; Gélar 2003).

Литература

- Аллег, А. 1958. *Допрос под пыткой*. М.: Правда.
- Бекри, Т. 2002. *Антология*. М.: ИВ РАН.
- Джугашвили, Г. Я. 1974. *Алжирский франкоязычный роман*. М.: Наука.
- Крылова, Н. Л., Прожогина, С. В. 2013. *Путь к себе (Проблема самосохранения в процессах пересечения Востока и Запада)*. М.: Ин-т Африки РАН.
- Поэты Алжира. 1976. М.: Прогресс.
- Прожогина, С. В.
1984. *Рубеж эпох – рубеж культур*. М.: Наука.
1992. *Для берегов Отчизны дальней...* М.: Наука.
2003. *Восток на Западе: иммигрантские истории II*. М.: ИВ РАН.
2009. *Вошедшие в храм Свободы: литературные свидетельства «франко-арабов»*. М.: Вост. лит-ра.
2012. *Новые идентичности*. М.: Изд-во МБА.
2013. *Смятение*. М.
2020а. «...Души прекрасные порывы...» (франкоязычная поэзия магрибинцев колониальной и постколониальной эпохи). М.: ИВ РАН.
2020б. *Обретение Авеля*. М.: ИВ РАН.
2021. *Время не жить и время не умирать*. М.: ИВ РАН.
2022а. «...Души прекрасные порывы...» (франкоязычная поэзия магрибинцев колониальной и постколониальной эпохи). М.: ИВ РАН.
2022б. *Взятое слова*. М.: ИВ РАН.
- Утро моего народа. М., 1968.
- Begag, A.**
1986. *Le gone du Chaâba*. Paris: Editions du Seuil.
1989. *Béni ou le Paradis privé*. Paris: Editions du Seuil.
- Bekri, T.**
1986. *Chants du roi errant*. Paris: Al Manar éditions.
2018. *Le désert au crépuscule*. Paris: Al Manar éditions.
2019. *Au déla de lueurs*. Paris.
- Bernard, P.** 2008. *La crème des beurs*. Paris.
- Dib, M.** 2006. *Laëzza*. Paris.
- Djebar, A.** 1996. *Le blanc de l'Algérie*. Paris: A. Michel.

Gélar, M.-L. 2003. *Le pilier de la tente*. Paris: Maison des Sciences de l'Homme.

Littérature et oralité du Maghreb. 1993. Paris.

Maalouf, A. 2008. *Identités meurtrières*. Paris: Grasset.

Maurienne. 1960. *Le Déserteur*. Paris: Editions de Minuit.

Meddeb A. 2008. *La maladie de l'islam*. Paris.

Memmi, A.

1956. *Portrait du colonisé précédé du portrait du colonisateur*. Paris.

1999. *Le Racisme*. Paris.

2011. *Portrait du décolonisé*. Paris.

Senac, J. 1967. *Les citoyens de Beauté*. Paris: Editions Subervie.